

Людмила Гатагова
Институт российской истории РАН

На подмосковном семинаре в декабре 2000 г., посвящённом проекту «Official and Vernacular Identifications in the Making of the Modern World», было озвучено много любопытных и ценных идей, позволяющих надеяться на успешное исследование сложных и многогранных процессов: эволюции империй и образования национальных государств, этно- и нациогенеза, анализа понятий национальность и этничность, самоидентификация и идентичность, etc, etc.

Проблема столь обширна и многопланова, что, невзирая на огромный массив опубликованных работ (в них раскрываются многие её стороны), безусловно нуждается в дальнейшем изучении. Мне представляется весьма удачным обращение к этой глобальной проблеме одновременно нескольких групп ученых, силами которых предполагается исследование особенностей распада империй, процессов нациообразования и осознания собственной идентичности в чрезвычайно непохожих друг на друга (и исторически, и географически) регионах планеты.

Такой комплексный подход позволяет выявить не только региональную специфику, но и прояснить некие общие тенденции и закономерности грандиозных исторических катаклизмов, оказавших и продолжающих оказывать непосредственное влияние на развитие аналогичных процессов в современном мире.

Часть проекта обращена к России имперской – как дореволюционной, так и советской, а также постсоветской. «Imperial spaces, national boundaries: Situating Russia» – эта тема включает в себе множество малоизвестных и вовсе неисследованных сюжетов. Меня привлекают сюжеты первого раздела (он касается периода XVIII – начала XX вв.), а именно, эпоха зрелой и поздней империи – вторая половина XIX столетия.

Одновременно с расцветом имперской государственности (надэтнической и наднациональной по своей сути) на обширном российском пространстве набирали силу глубинные процессы, детерминировавшие смену идентичностей. Вследствие усугублявшейся секуляризации религиозного сознания в русском обществе чрезвычайно актуализировались понятия национальности, национальной принадлежности. С осмыслением и восприятием этих категорий – вначале только часть общества, а затем всё более и более широкие его слои – постепенно приходила к осознанию собственной национальной идентичности, как одного из важнейших факторов самоидентификации народа.

Эти процессы – в силу многих объективных причин и обстоятельств – затронули в первую очередь русских и лишь потом, ближе к рубежу столетий, охватили другие народы.

Применительно к 1860-м гг. мы можем с определенностью говорить о массовом подъёме русского национализма (истоки его восходят ещё к войне 1812 г., а также к событиям вокруг первого польского восстания 1830 г.). Почва для пробуждения национализма была возвращена на мировоззренческих постулатах российского славянофильства, идеологических исканиях графа Уварова, etc, etc.

Катализатором бурного всплеска национализма послужили польские события начала 1860-х гг. Верховная власть не сразу увидела, или поначалу просто не захотела видеть серьезной опасности в росте

русского национализма и даже потакала охватившим общество националистическим чувствам, используя их в борьбе против польского сепаратизма.

Однако очень скоро власть прекратила заигрывание с националистическими кругами, поскольку не могла быть заинтересована в поощрении и, тем более, легитимизации явления, могущего расшатать и разрушить устои империи – ведь рост русского национализма неизбежно повлек бы за собой волну национализмов малых народов – с непредсказуемыми для империи последствиями.

Отличительная особенность русского национализма состояла в том, что он был нацелен не на создание русского национального государства, а на сохранение многонациональной империи – но при доминирующей или даже исключительной роли русских. И хотя русские и без того являлись империобразующим народом и всегда служили главной опорой имперской государственности, националистам, по-видимому, этого было недостаточно...

Обретение национальной принадлежности не только не вытеснило из русского сознания его имперскую идентичность, но привело к парадоксальному смешению, а точнее, к слиянию двух разнородных идентичностей в одну – чего не произошло и по определению не могло произойти с другими российскими народами. Для последних национальная идентичность отнюдь не стала тождественна имперской, как в русском сознании. Она скорее вступила с ней в противоречие, которое неизбежно должно было усугубляться...

Хотя верховная власть неоднократно предпринимала (в последней четверти XIX в. и в начале XX в.) меры по обузданию нараставших волн локальных национализмов, последующие события имперской истории уже были фактически предрешены...

Мне представляется весьма любопытным взглянуть на процесс кристаллизации русской национальной идентичности сквозь призму негативных, даже одиозных явлений имперской жизни, каковыми были массовые всплески этнофобий: полонофобия, германофобия (в меньшем масштабе) и юдофобия.

События 1863-го, 1881-го и, отчасти, 1865-го гг. – точки флуктуаций, которые не могли не повлиять на состояние массового сознания, процессы самоидентификации, поиск новых и смену прежних идентичностей, etc, etc.

В 1863 г. общественное недовольство польским сепаратизмом обернулось мощным проявлением полонофобии. Но если объектом фобии стали поляки, как этническая общность, как нация, то противная сторона выступала тоже уже не в качестве граждан империи, но прежде всего, как русские. Ответная русофобия со стороны польского населения государства подтверждает это. Точно так же во время еврейских погромов начала 1880-х гг. зачинщики их и участники акцентировали внимание общественности на страданиях русского народа, якобы причиняемых ему, т. е. русскому народу, евреями. Конечно, крупные и массовые погромы бывали в России и прежде, однако они носили локальный характер, а погромщики объединялись не по общности крови, а по социальным критериям. В погромах 1880-х гг. социальный фактор тоже имел место, но в отличие от прежнего, в них никогда с такой силой не звучал мотив «обиженного русского народа».

Я намерена предпринять исследование, которое помогло бы дать ответы на вопросы: каким образом и в какие моменты особенно интенсивно протекает процесс кристаллизации национальной идентичности, как и в какой степени на этот процесс воздействуют массовые этнофобии. Работа будет строиться на основе документов Государственного архива Российской Федерации, где в фондах Департамента

полиции отложилось множество разнообразных материалов, касающихся массовых этнофобий (каждое из этих событий именуется в архивных фондах по-своему: общественное недовольство польским сепаратизмом, антигерманская кампания в прессе или погромное движение в западных и юго-западных губерниях).